

внутреннего мира, через призму взаимосвязи фольклора и литературы, синтез жанровых форм: цикла и поэмы.

Таким образом, фольклорная модификация является одним из основных повторяющихся художественных приемов создания циклов стихотворений в якутской поэзии. В зависимости от индивидуально-авторского замысла модификации бывают сатирическим, публицистическим и философским подтекстом, чему способствуют и использующийся тропический арсенал, ритмико-интонационные особенности, мотивы. Условно можно предположить о жанровой эволюции в образовании метациклических форм, обретающих постепенное усложнение авторской мысли в плане развития содержания от сатирического изображения действительности до исторического и гражданско-философского осмысления.

Список литературы:

1. Актуальные проблемы филологии Сборник статей. Барнаул-Рубцовск: АГУ, 2009. – 358 с.
2. Дьячковская М. Н. Избранные работы: вопросы якутского стихосложения. Якутск: ИГиИ-ПМНС СО РАН, 2015. – 262 с.

3. Ефремова Е. М. «Золотые дожди Сергея» Сем. П. Данилова: итоговая книга стихов (жанрово-архитектонические особенности) // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2017. № 2 (19). – С. 108-117.

4. Лейдерман Н.Л. Движение времени и законы жанра. Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1982. – 256 с.

5. Максимова П. В. Жанровая типология якутской поэзии: вопросы эволюции и классификации форм. Новосибирск: Наука, 2002. – 255 с.

6. Мирошникова О.В. Лирическая книга: Архитектоника и поэтика: учебное пособие. Омск: ОмГУ, 2002. – 140 с.

7. Романова Л. Н. Поэзия Натальи Харлампьевой: динамика лирической книги стихов. Новосибирск: Наука, 2014. – 128 с.

8. Спивак Р.С. Русская философская лирика: учебное пособие. М.: Флинта, 2005. – 408 с.

9. Яковлева В. Д. Циклы лирических стихотворений в якутской поэзии. Типология и поэтика. Новосибирск: Наука, 2009. – 136 с.

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ КАТЕГОРИИ ОДУШЕВЛЕННОСТИ В ЯЗЫКЕ КОРАНА В СВЕТЕ МИФОЛОГИЧЕСКОЙ КАРТИНЫ МИРА

Розов Владимир Андреевич

аспирант Восточного факультета, лаборант-исследователь научной лаборатории по анализу и моделированию социальных процессов, СПбГУ, г. Санкт-Петербург

Треналова Екатерина Валерьевна

магистрант Восточного факультета, СПбГУ, г. Санкт-Петербург

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются случаи необычного по сравнению с арабским литературным языком согласования прилагательных и местоимений с неодушевленными именами. По отношению к неодушевленным именам используются формы множественного числа женского рода в тех случаях, когда правила согласования требуют использования единственного числа. Приводится перечень контекстов, в которых встречается данное явление, отражающее, вероятно, доисламскую картину мира арабов.

ABSTRACT

The article is dedicated to cases of unusual agreement of adjectives and pronouns with inanimate names in comparison with the Modern Standard Arabic. With respect to inanimate names, feminine plural forms are used in cases where the agreement rules require the use of the singular. A list of contexts in which this phenomenon occurs, which probably reflects the pre-Islamic worldview of the Arabs, is given.

Ключевые слова: доисламская Аравия, категория одушевленности, согласование, картина мира, мифология.

Keywords: pre-Islamic Arabia, animacy category, agreement, worldview, mythology.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта 18-012-00849.

Представление о том, что язык отражает картину мира своих носителей, давно укоренилось в лингвистике и антропологии. Под картиной мира при этом понимаются «отраженные в языковых формах и категориях, текстах концепты, мнения, суждения, представления народа, говорящего на данном языке, о действительности, об отношении человека к действительности», которые «отражают культурное своеобразие народа» [1, с. 92]. При этом наивная картина мира «всегда в той или иной степени мифологична» [3, с. 79], иными словами – со-

держит представления о сверхъестественных, выходящих за пределы обыденной жизни человека явлениях, а также о происхождении и первоначальной природе тех или иных элементов мира. Таким образом, язык может служить проводником в мир религиозных и мировоззренческих убеждений его носителей. Это тем более важно при изучении мифов, содержание которых было утеряно или же дошло до наших дней во фрагментарном или искаженном состоянии.

В полной мере это относится к доисламским религиозным представлениям арабов. Большая

часть сведений, дошедших до наших дней, известна из средневековых мусульманских источников, авторы которых относились к описываемым ими религиозным представлениям и практикам с определенной долей предвзятости. Значительный вклад в изучение мифологии арабов до появления ислама вносит и сравнительное изучение семитских мифов, однако и оно не может дать исчерпывающей картины. В силу названных выше причин особый интерес может представлять анализ арабского языка, и, в первую очередь, – языка самого раннего из письменных арабских памятников, т.е. Корана. Это тем более плодотворно, поскольку «Мухаммад говорил о новом, опираясь на привычный для себя и слушателей понятийный аппарат» [6, с. 88]. Следовательно, «для адекватного истолкования мировоззрения, зафиксированного Кораном, первостепенное значение имеет выявление характера преемственности коранических представлений с соответствующим понятийным аппаратом, кругом традиций, идей и образов языческой Аравии. ... Это относится, в частности, к системе космогонических представлений и этногенетических преданий, вошедших в Коран» [6, с. 83].

При этом предыдущие попытки выявить представления о доисламской картине мира базируются в основном на материале семантического анализа лексики Корана. Грамматика арабского языка Корана и в частности, морфология, пока еще не стали объектом поиска сведений о древнеаравийской картине мира. Однако такой поиск представляется необходимым, поскольку «воплощенные в языке знаковые системы, символы и ритуалы, зафиксированные источниками и зашифрованные документами самого разного рода, образуют объективные, независимые от оценочных суждений связи, которые исследователь, заставляющий прошлое «проговориться», может вскрыть «напрямую», прикоснувшись к «коллективному бессознательному» [6, с.62]. При этом именно особенности грамматики и морфологии зачастую позволяют проникнуть в те особенности «коллективного бессознательного», которые ускользали от предыдущих исследователей.

Наиболее плодотворным представляется поиск таких грамматических особенностей, которые раскрывали бы специфику категоризации картины мира, причисления субъектов, объектов и явлений материального и сверхъестественного мира к тому или иному классу. Это касается и отнесения имен к одушевленным либо неодушевленным. В рамках терминов традиционной арабской филологии принято говорить о классах «разумных» и «неразумных» имен, причем «в арабском языке к одушевленным относится только то, что связано с человеком, а к неодушевленным – все остальное», то есть «сделан акцент на роль человека как разумного существа» [7, с. 167]. Важно подчеркнуть, что в исламской картине мира к числу одушевленных («разумных») существ, «обитателей миров», причисляются также сверхъестественные существа – джинны и ангелы [5, с.60].

В литературном арабском языке категория одушевленности / неодушевленности проявляет себя только во множественном числе и выражается в выборе модели согласования имени [8]. В случае с одушевленными именами прилагательные, местоимения и глаголы согласуются с именем во мн. ч. в соответствующем роде, в то время как согласование с множественным числом неодушевленных имен осуществляется по модели единственного числа женского рода. Одной из особенностей языка Корана являются нетипичные, относительно норм современного литературного арабского языка, способы согласования имен. В частности, в тексте Корана нередко можно встретить согласование определяемого, выраженного неодушевленным именем существительным, с определением в виде имени прилагательного в форме множественного числа (например, *al-aṣḥuru al-ḥurumu* «месяцы запретные» (9:5)), включая правильное множественное число женского рода (*ayūāmin ma'dūdātin* «дни исчисленные» (2:203)). (Здесь и далее в круглых скобках указаны ссылки на номера сур и аятов Корана, перевод приведен в соответствии с И.Ю. Крачковским [4]). Существует несколько возможных причин такой странности в согласовании.

В первую очередь, необходимо упомянуть, что в современных диалектах арабского языка актуальная категория числа часто нарушает формальную систему согласования, в т.ч. в случае с неодушевленными именами [10, р. 301-302]. Известно также, что язык Корана несет в себе следы влияния диалекта племени Курайш, родного для Мухаммада и распространенного в Мекке [2, с.102-103]. Тем не менее, это объяснение не выглядит убедительным, поскольку в большинстве случаев в тексте Корана реализуется согласование неодушевленных имен существительных во множественном числе с именами прилагательными в форме единственного числа женского рода в соответствии с правилами современного арабского литературного языка.

В ряде случаев эти особенности согласования могли быть вызваны необходимостью сохранить ассонансную рифму, характерную для окончаний аятов Корана. М. Уотт в работе «Коранистика. Введение» убедительно показывает, что ассонансные рифмы, образованные за счет суффиксов и окончаний, можно считать осознанным художественным приемом [2, с. 88]. Таким образом, выбор моделей согласования мог быть определен стремлением сохранить ассонансную рифму на конце аятов. Тем не менее, часты и те случаи, в которых и это объяснение оказывается нерелевантным. Наиболее ярким примером является согласование неодушевленного имени существительного во множественном числе с именем прилагательным во множественном числе женского рода. Примеры данного вида согласования встречаются в следующих аятах (2:184, 2:197, 2:203, 3:7, 3:24, 3:97, 6:141, 7:54, 7:133, 12:43, 12:46, 16:12, 16:79, 17:101, 19:73, 22:16, 22:28, 22:72, 24:1, 24:34, 28:36, 29:49, 30:46, 34:13, 34:43, 41:16, 45:25, 46:7, 55:24, 57:9, 77:27). Важно отметить, что ни в одном из случаев подобные словосочетания не яв-

ляются завершающими словами аята, и, следовательно, не служат для сохранения рифмы. Вероятно, в этом случае использование прилагательных в форме множественного числа женского рода обусловлено иным фактором.

Для того чтобы определить этот фактор, необходимо пристально изучить случаи подобного нетипичного согласования. В частности, необходимо выявить, какие неодушевленные имена (и в каком контексте) согласуются с прилагательными во множественном числе, т.е. по модели имен одушевленных. Было выделено несколько таких случаев:

– множественное число от существительного *yaumun* «день» – *ayuāmun*;

– множественное число от существительного *āyatun* «знак, знамение» – *āyātun*;

– единичные случаи согласования с множественным числом от существительных *šahrin* «месяц» – *ašhurin* (2:197), *jannatun* «сад» – *jannātun* (6:141), *al-šamsu wa-al-qamaru wa-al-nujūmi* «солнце, луна и звезды» (7:54), *najmun* «звезда» – *nijumun* (16:12), *īrūn* «птица» – *īyurūn* (16:79), *rīḥun* «ветер» – *riyāḥun* (30:46), *jāriyatun* «судно» – *jawārin* (55:24), *rāsin* «гора» – *rawāsī* (77:27). Существуют и исключения из этого ряда. Они представлены в аятах (2:80) и (69:24) и связаны с реализацией множественного числа от существительного *yaumun* «день» – *ayuāmun*. Если до этого указанное существительное было согласовано с именами прилагательными в форме множественного числа женского рода, то в представленных ниже аятах оно согласуется в форме единственного числа женского рода. Это может быть объяснено стремлением сохранить рифму и ритмику текста.

Стоит отметить, что большинство определяемых, выраженных неодушевленными с точки зрения традиционной арабской грамматики существительными, которые согласованы с определениями в виде прилагательных во множественном числе женского рода, используются в тексте Корана при описании тех или иных сакральных реалий. В первую очередь, это все аяты, в которых говорится о божественных знамениях и стихах Корана. Далее, в аятах (2:184, 2:197, 2:203) речь идет о днях паломничества (*хадж*), в аяте (22:28) описывается ветхозаветный праздник жертвоприношения, а в аятах (3:24, 41:16) приводятся увещания о днях наказания. Что касается аятов (6:141, 7:54, 16:12, 16:79, 55:24, 77:27), то в них описывается то, что было создано Богом или принадлежит ему. В аятах (12:43) и (12:46) содержится описание колосьев и коров из сна фараона, за толкованием которого обратились к Йусуфу (Иосифу), а в аяте (34:13) речь идет об утвари храма Сулеймана (Соломона).

Более ярким примером необычной по сравнению с нормами литературного арабского языка категоризации имен является использование личных местоимений. В целом ряде случаев, когда речь идет о нескольких существах или объектах, относимых к категории неодушевленных, используется форма личного местоимения множественного

числа женского рода (*hunna* в именительном падеже и *-hunna* – в косвенных) вместо требуемой согласно правилам согласования формы единственного числа женского рода (*hiya* в именительном падеже и *-hā* – в косвенных). Местоимения множественного числа используются в тех случаях, когда речь идет о небесах и земле (2:29, 5:120, 17:44, 21:56, 23:71, 41:12, 42:5, 43:9, 46:33, 65:12, 71:16) и райских куцах (55:56, 55:70). По отношению к живым существам, не относимым к числу одушевленных в рамках картины мира классического арабского языка, эти местоимения обозначают птиц, как летящих по воздуху (16:79, 67:19), так и приносимых в жертву (2:260), а также хищных животных (5:4). Помимо этого, как и в случае с согласованием прилагательных, они употребляются при описании коров из сна фараона (12:43; 12:46). Сходство с согласованием прилагательных добавляет и то, что о бороздящих море по воле Бога кораблях также говорится как об одушевленных существах, т.е. с использованием местоимения – *hunna* (42:34).

Особый интерес представляет использование местоимений множественного числа женского рода при указании на временные промежутки: голодные годы, также в контексте сна Йусуфа (12:48), месяцы хаджа (2:197), заповедные месяцы (9:36). При этом в аяте (9:36), когда речь идет об обычных месяцах, согласование происходит в соответствии с правилами, то есть местоимение реализуется в форме единственного числа женского рода (*-ha*). Местоимения множественного числа женского рода также используются для обозначения аятов Корана (3:7) и слов Бога (2:124), а также, когда речь идет о низших божествах или идолах, т.е. тех, кого «придают Богу в сотоварищи» (14:36, 39:38).

Итак, особенности согласования и функционирования местоимений показывают, что некоторые имена воспринимались в языке Корана как относящиеся к классу одушевленных. Объяснение этому может быть найдено в рамках обращения к мифологической картине мира: «уподобление человека миру и мира человеку сказывается в мифе также в персонифицированности элементов его системы: миф стремится оперировать не отвлеченными понятиями, а представлениями о конкретных существах, отвечающих (потенциально) этим понятиям, функционально замещающих эти последние» [3, с. 115]. Иными словами, в рамках архаической картины мира сакральные объекты воспринимаются как одушевленные, наделенные сознанием. Следы такого рода представлений, вероятно, были еще живы во времена Мухаммада, поэтому не удивительно то, что сакральные явления и предметы персонифицируются, относятся к классу одушевленных вещей. Возможно, эти представления отражают очень ранние этапы развития древнеарабского религиозного сознания, в рамках которого важную роль играли женские божества, олицетворяющие явления природы и небесные светила [9, р. 137-138, 142].

Список литературы:

1. Азимов Э.Г., Щукин А.Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). М.: Издательство ИКАР, 2009. – 448 с.
2. Белл. Р., Уотт. М. Коранистика. Введение. СПб.: Издательство «ДИЛЯ», 2005. – 256 с.
3. Касевич В.Б. Буддизм. Картина мира. Язык. СПб.: Центр «Петербургское Востоковедение», 1996. – 288 с.
4. Коран. Пер. и коммент. И. Ю. Крачковского. Изд. 2-е. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1986. – 727 с.
5. Костылев П.Н. Кораническая антропология: на примере концепта «грудь» (sadr) // Вестник ПСТГУ I: Богословие. Философия. 2015. Вып. 2 (58). С. 55-72.
6. Резван Е.А. Коран и его мир. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2001. – 608 с.
7. Рыжих В.И. Грамматические категории имени существительного русского и арабского языков в сравнительно-историческом освещении // Научный вестник Международного гуманитарного университета. Сер.: Филология. 2014. № 8. Т. 1. С. 166-169.
8. Bernards M. Ism // Encyclopedia of Arabic Language and Linguistics, Managing Editors Online Edition: Lutz Edzard, Rudolf de Jong. URL: http://proxy.library.spbu.ru:2141/10.1163/1570-6699_eall_EALL_SIM_vol2_0030 (дата обращения 15.11.2018).
9. Hawting G.R. The Idea of Idolatry and the Emergence of Islam. From Polemic to History. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. – 168p.
10. Kaye A.S., Rosenhouse J. Arabic Dialects and Maltese // The Semitic Languages. Ed.: R.Hetzron. New-York: Routledge, 1997. P. 263-311.

ЖАНРОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ СЯТОЧНОГО И РОЖДЕСТВЕНСКОГО РАССКАЗОВ В РУССКОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Шкурская Екатерина Алексеевна

Канд. фил. наук, доцент кафедры русского языка и общего языкознания, русской и зарубежной литературы, Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова, г. Элиста

GENRE PECULIARITIES OF YULETIDE AND CHRISTMAS STORIES IN RUSSIAN AND FOREIGN LITERATURE

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются жанровые особенности святочного и рождественского рассказов в русской и зарубежной литературе. Выделяются генетические, духовные, концептуальные различия рождественского и святочного рассказов, обозначаются культурные и тематические доминанты, характерные для рассматриваемых жанров.

ABSTRACT

The article deals with genre peculiarities of Yuletide and Christmas stories in Russian and foreign literature. Genetic, religious, conceptual differences are pointed out in Yuletide and Christmas stories. Cultural and thematic dominants, typical for these genres are marked.

Ключевые слова: литературный жанр, святочный рассказ, рождественский рассказ, пасхальная проповедь, карнавальное сознание.

Key words: a literary genre, a Yuletide story, a Christmas story, an Easter sermon, a carnival consciousness.

В русской и западноевропейской традиции понятия «рождественский» и «святочный» рассказ не имели строгого различия, в писательской среде они употреблялись как синонимичные понятия на основании приуроченности к одному календарному событию, связанному с Рождеством.

Рождественская тематика становится привлекательной в русской прозе первой половины XIX века благодаря переводным изданиям Э.Т.А. Гофмана «Повелитель блох» (1822), «Щелкунчик и Мышиный король» (1823), сказкам Г.Х. Андерсена «Елка», «Маленькая продавщица спичек», вошедших в сборник «Сказок, рассказанных для детей» (1843-1846 гг.), «Рождественским повестям» Ч. Диккенса (1843-1846).

В контексте истории развития западной и русской словесности рождественский рассказ генетически восходит к мистериям, мираклям, мифу и фольклору, а святочный рассказ – к народным святочным ритуалам, пасхальной проповеди, фольклору.

Средневековые мистерии (от лат. *misterium* – церковная служба) представляли собой инсценировки отдельных библейских эпизодов, входящих в состав рождественской и пасхальной службы, организовывались средневековыми цехами во время городских праздников. Важна была зрелищная сторона и развязка фабулы, которая сводилась к чудесному преображению героя и изменению мира. Позже к библейским сюжетам стали добавляться бытовые элементы, фарсовые сценки, не связанные с мистериями.

Суть сюжета моралите заключалась в том, что человек оказывался перед выбором между добром и злом, конечное решение героя определяло развязку сюжета, добродетель вознаграждалась, а порок наказывался. Моралите характеризуется дидактичностью и назидательностью.

Сюжетной основой миракля было свершение житийного чуда каким-либо святым или девицей Марией.